

историковъ сталкиваются не только на частностяхъ, а на самомъ существѣ историческаго движенія—ясно, что вопросъ представлялъ передъ ними (если пока и не разрѣшался) въ его научной формѣ, въ тѣсной связи многоразличныхъ фактовъ прошлаго и настоящаго. Этотъ историческій раціонализмъ, какъ мы видѣли, казался весьма опредѣленно еще въ предъидущемъ періодѣ, особливо подъ дѣйствіемъ нѣмецкой исторической школы; теперь онъ развился еще болѣе подъ вліяніемъ великихъ событій, совершавшихся въ самой русской жизни и возбуждавшихъ вновь историческіе запросы и въ связи съ этимъ, подъ вліяніемъ отражавшихся у насъ новѣйшихъ успѣховъ европейской науки.

Мы упоминали раньше, какой оживляющей нравственной и умственной силой была крестьянская реформа. Мысль о народѣ, какъ главнѣйшемъ предметѣ историческаго интереса,—прежде теоретическая, отвлеченная, иногда почти мистическая,—получала теперь плоть и кровь, становилась наглядной, осязательной. Ближайшимъ предметомъ, потребовавшимъ вниманія, была исторія крестьянства и вообще судьба народа въ историческомъ движеніи: внутренній бытъ никогда прежде не вызывалъ столько изслѣдованій, и исторія государства была все больше сопоставляема съ исторіей народа. Это стремленіе нашло себѣ большую опору въ новой европейской наукѣ, гдѣ въ послѣднія десятилѣтія изслѣдованія отъ исторіи государства направились на общія явленія цивилизаціи, на изслѣдованіе первыхъ начатковъ и хода человѣческой культуры и затѣмъ судьбы народныхъ массъ. Подобнымъ образомъ у насъ первоначальная старина и современная народность вызвала снова усердныя изученія съ новѣйшей этнологической и культурно-исторической точки зрѣнія.

Старая «философія исторіи», строившая нѣкогда утонченныя теоріи на запасѣ фактовъ, въ сущности очень скудномъ, смѣнилась разнообразными работами по исторіи «культуры», имѣвшими то громадное превосходство, что онѣ опирались на огромной массѣ фактовъ по разнымъ областямъ науки, часто впервые теперь только собранныхъ и освѣщенныхъ. Какъ прежняя отвлеченная психологія пріобрѣтала теперь свою параллель или противовѣсъ въ изученіяхъ фізіологическихъ, такъ исторія «культуры» направлялась на изученіе реальныхъ явленій жизни—находила ея первые слѣды въ палеонтологическихъ остаткахъ древнѣйшаго человѣка, въ орудіяхъ и постройкахъ озерного и каменнаго вѣка, въ нравахъ и обычаяхъ современнаго быта дикарей; впервые открывала неподозрѣваемые ранѣе остатки древнихъ цивилизацій Египта, Ассиріи, Вавилона, изученіе которыхъ съ